

сложного монтажа отдельных символических структур, за которыми ничего не стоит, поскольку сам порождающий символ принцип разрушен.

Другими словами, Набоков превращает символ в пост-модернистский код, а эстетика модернизма предвосхищает симуляцию постмодернизма.

Литература:

1. Бальмонт, К.Д. Я — изысканность русской медлительной речи... // Будем как Солнце. — М.: Изд. Скорпион, 1903
2. Белый, А. Песнь жизни // Символизм как миропонимание — М., 1994.
3. Бойл, Ч. П. Набоков и русский символизм (история проблемы) // В. Набоков: pro et contra, т. 2, с. 532–550. М., 2001.
4. Брюсов, В.Я. Стихотворения — М., 2009.
5. Долинин, А.А. Набоков и Блок // Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирин. СПб., 2004. с. 331–337
6. Набоков, В.В. Приглашение на казнь Собрание соч. в 4-х томах, т. 4.
7. Скопечная, О.Ю. Традиции русского символизма в прозе В.В. Набокова 20–30-х годов: диссертация канд. филол. наук: 10.01.05 М., 1994
8. Ханзен Лёве Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. — СПб., 1999.
9. Alexandrov, V. E. Vladimir Nabokov's Metaphysical Aesthetics in the Context of the Silver Age // Christianity and the Eastern Slavs. Vol. 3: Russian Literature in Modern Times. Berkeley; Los Angeles; L., 1995. P. 201–222.
10. Johnson, D. B. Belyj and Nabokov: A Comparative Overview // Russian Literature. 1981. №9. P. 379–402;

Гностическая символика романа «Под знаком незаконнорожденных»

Крашенинников Станислав Игоревич, аспирант

Московский педагогический государственный университет имени Ленина

Вполне органично на набоковский текст, как кажется на первый взгляд, ложится гностическая мифология неизвестного, неизреченного (в некоторых гностических текстах он называется «отцом молчания неизъяснимого») светлого единого Бога, неизреченного разума или сверх-сознания, фактически, духа, который не участвует в создании какой бы то было материальности. Материальная действительность, действительность мира вещей и действительность гиллических людей (обреченных на материальность и лишенных посмертия) является созданием злого бога-демиурга. (В некоторых мифологиях — змея). С материальностью, с демиургическим началом, как будет видно из анализа гностической символики романа, связан Адам Круг. Кто же, в таком случае, тот светлый единый Бог, отец неизреченного, как не автор романа?

В определенный момент достигнув, путем «космической синхронизации» (как называет это явление Александров), состояния всеведения, или, во всяком случае, узрев «автора за зеркалом», Круг становится причастен тайнам создания мира, сотворенного «авторской персоной» — но не сразу, а лишь путем спасительного безумия, в тюрьме (в последней главе романа). До этого момента Круг не всеведущ.

Если подойти к роману с ключом гнозиса, можно увидеть, как незнание Круга о мире, в котором он живет (до момента епифании) роковым образом подводит его к точке смерти. Многие намеки (гностические крупницы знания), разбросанные по тексту, однозначно предупреждают его об опасности — и читательское ожидание в данном случае не будет обмануто, но Круг обманывается. Такими приметам являются как табличка с надписью «Bon voyage» на даче Максимовых, так, и например, сцена со шпионом, караулившим у кругова дома. Давид сообщает отцу, что в его отсутствие Мариетта, няня мальчишка, говорит по телефону с этим шпионом. Но Круга это не настораживает:

«Я отлично *знаю*, подумал Круг, отсмеявшись, что она просто-напросто отправляется в киношку с подружкой-толстушкой, — так она и говорит, и у меня нет повода ей не *верить*; а если бы я действительно считал, что она — то, чем она определенно является, я бы ее в два счета уволил: по причине *заразы*, которую она может затащить в детскую. Ольга именно так бы и сделала» (курсив наш — С. К.).

Как известно из гностических учений¹, люди подразделяются на три рода — соматиков (знания о мире которых ограничены материальным аспектом), психиков

¹ Мы опираемся на статью из словаря Брокгауза и Евфрона под авторством В. Соловьева «Гностицизм».

(которые способны на «веру») и пневматиков (тех, что в конечном счете обретают «знание»). В этом контексте выделенные нами курсивом слова приобретают особую значимость, поскольку «знание» Круга и «вера» являются ошибочными. «Зараза» же символизирует зловоние и нечистоту демонов, населяющих гностическую действительность. Мотив незнания Круга, более того, усложнен мотивом предчувствия. Недаром Круг заботится о том, чтобы Давид не залез в лужу — символ упадка и Падукграда.

К этой же мотивной структуре относится и образ жемчужины, или, шире, драгоценностей. В глоссарии гностической символики «жемчужина» — одна из постоянных метафор для «души» в сверхъестественном смысле [Йонас Г. Гностицизм]. В апокрифических «Деяниях апостола Фомы» есть гностический текст под названием «Гимн Жемчужине», который также встречается под названием «Гимн душе».

В тексте романа присутствует несколько эпизодов с драгоценностями, в частности, с жемчугом¹.

Например, во сне Круга из 5-й главы упоминается некто «она», снимающая с себя драгоценности:

«В одной из витрин сидела она, снимая свои чистой росы перстни и расстегивая бриллиантовый *collier de chien*, обнимавший ее полное белое горло; да, избавляясь от всех земных драгоценностей». (В этом контексте перл выступает гиперонимом к любого рода драгоценностям).

К концу главы мы узнаем, о ком идет речь, — это:

«Ольга, сидящая перед зеркалом после бала, снимающая драгоценности. Еще зятая в вишневым бархат, она закинула назад сильные, неровно светящиеся локти, приподняв их как крылья, и стала расстегивать сверкающий ошейник. Он сознавал, что вместе с ожерельем снимутся и позвонки, — что в сущности оно-то и было ее хрустальными позвонками». Характерно, что это «сознавал» Круг, чьи представления близки гностическим; в романе же мы не увидим этого разоблачения, какое в действительности происходило в романе «Приглашение на казнь» (1935). Характерно и то, что в обоих произведениях мотив разоблачения от телесных оболочек (и «земных драгоценностей») — в «Под знаком незаконнорожденных») сопряжен с образом-символом жемчужины².

Обращая внимание на подобную сцену разоблачения в «Приглашении на казнь», отметим, что исследова-

тель Сергей Давыдов называет главу своей книги³, «гно- стической исповедью в романе», что имеет под собой основания, ведь в английском варианте «Приглашения» даже преступление Цинцинната — не гносеологическое, а «гно- стическое», «*gnostical turpitude*⁴».

Цинциннат «снял, как парик, голову, снял ключицы, как ремни, снял грудную клетку, как кольчугу. Снял бедра, снял ноги, снял и бросил руки, как рукавицы, в угол. То, что оставалось от него, постепенно рассеялось, едва окрасив воздух».

С. Давыдов однозначно соотнес этот образ с гностиче- ской метафорой⁵, с чем трудно не согласиться, поскольку внешние, телесные оболочки в гностических текстах служат временным пристанищем душе, которая жаждет от них избавиться.

Но возвратимся к «Под знаком незаконнорожденных». Образ жемчужины, точнее, ее значимого отсутствия видим в описании Эмбером Офелии в главе 7-й:

«Мочки ушей ее были голы, хоть и проколоты еле заметно — для миниатюрных кораллов, не для жем- чужин».

Гностическое миропонимание Круг обнаруживает не- однократно, хотя он и не занимается «поиском Истинной Субстанции Единого, Абсолюта». Например, в 7-й главе, посещая друга-шекспироведа Эмбера, Круг говорит о Шекспире:

«Человек, сказавший (не первым), что слава Господня в том, чтобы скрыть, а человечья — сыскать». В мире рассеяны частицы потустороннего света, которые должны быть собраны и возвращены к своим истокам, утверждает гностическое учение⁶.

Многочисленно упоминаемое «большое тело» Круга, «чересчур велико и здорово: если б оно ссохлось, одрябло, истомилось в недомогании, он смог бы жить в большем мире с собой» — свидетельство понимания материаль- ного как злого начала, как результата отпадения от Бога, то есть, вполне гностического мировосприятия. В гности- цизме эта стадия называется оплотнением. Так, оплотня- ется и София-Ахамот, в результате чего и появляется Де- миург, не знающий добра. Пневматик же, или истинный гностик, живущий в Боге и готовящий себя к вечности, отрешается от мира. Соответственно, излишняя телес- ность Круга, неоднократно подмечаемая, только мешает ему достичь гнозиса.

Телесность Адама Круга, первого человека, сопря- жена в романе с образом грехопадения, телесной любви

¹ Связь жемчуга и идеи высшего мира можно обнаружить еще в стихотворении Набокова 1921 года, посвященном Достоевскому и напечатанному в день его 100-летия под названием «Садом шел Христос с учениками». Христос встречает в саду разлагающийся труп собаки, «Иоанн отвернул», «поморщился Матфей», сказав, что «смерть его нага», на что «Христос ответил просто: «Зубы у него, как жемчуга...»».

² «...я снимаю с себя оболочку за оболочкой, и наконец... не знаю, как описать, — но вот что знаю: я дохожу путем постепенного разоблачения до последней, неделимой, твердой, сияющей точки, и эта точка говорит: я есмь! — как перстень с перлом в кровавом жиру акулы» — Приглашение на казнь

³ С. Давыдов Тексты-матрешки Владимира Набокова

⁴ Там же

⁵ «...гностик проделывает ряд ритуальных упражнений, так называемых «разоблачений», в которых душа снимает с себя оболочку за оболочкой. Эти упражнения подготавливают путь для посмертного восхождения души», пишет Сергей Давыдов, опираясь на гностические тексты «Гимн жемчужине» и «Гинза»

⁶ Йонас Г. Гностицизм

и миром Падукграда. С городом Падука Адама, в частности, связывает яблоко — согласно апокрифической традиции, кусок этого яблока застрекает в глотке вкусившего от древа познания. В тексте же возникает адамово яблоко — «треугольный прогал для яблока его тезки». Огрызком яблока пытается запустить один из солдат в Круга в конце 6-й главы. Воспоминание о яблочном сидре, выпитом с братом другого солдата (в сцене на мосту) позволяет Адаму преодолеть препятствие в виде бюрократической процедуры, мешающей ему добраться до дома.

«Иногда ... поторговывал яблоками» шпион у дома Круга, что отсылает также к «Золотому горшку» Т. А. Гофмана, что однозначно соотносится с образом темных сил. «Yablochko, kuda-zh ty tak kotishsa?», — вопрошает разбушевавшегося Круга солдатик, поймавший его в момент осознания Адамом смерти любимого сына Давида.

Смерть жены Ольги также накладывает на Круга определенные обязательства — он долго борется с искушением, которое воплощает собой Мариэтта, няня Давида. Искушение Адама происходит в течение всей 15 главы, начиная с того момента, как он перечитал пассаж из своей статьи, где «в связи с идеей субстанции» говорилось: ««если тело свежо и бело, мотивы свежести и белизны повторяются, взаимно сливаясь, в различных местах...» [Da mi basia mille]». Следующие за отрывком из статьи слова принадлежат Катутлу («К Лесбии») и переводятся как «дай мне тысячу поцелуев». Эти же слова повторяются в следующем контексте: «Brevis lux. Da mi basia mille. Он медленно бил кулаком по книге». Короткий свет, или вспышка света, таким образом, соответствуют борьбе Круга со своим естеством. В этой неравной борьбе телесность побеждает, «субстанция» побеждает

«идею субстанции». Конечное, материальное, берет верх над Кругом.

Мариэтта выступает здесь в качестве Лилит: она приходит к Адаму во сне, где сидит у него на коленях и убаживает его «во время репетиции пьесы, в которой играет роль его дочери».

В момент же, когда соитие казалось неизбежным уже наяву, в квартиру врываются солдаты-эквилисты, чтобы схватить профессора. Оглушительный грохот прервал речь Круга, обращенную к Мариэтте на словах «...ты — розовый мотылек, вцепившийся —». Бабочки, как известно, в романном мире Набокова обозначают авторское присутствие. В 9 главе романа мы встречаем бабочку, «вцепившуюся в руку» Ольге в «воспоминаниях» Круга, который, будучи восемнадцатилетним студентом, в ту пору не был с ней знаком. В предисловии к 3-му американскому изданию Набоков прямо говорит об этом в связи с образом бабочки, бьющейся в окно его комнаты:

«И пока светлая душа Ольги, уже обретшая свой символ в одной из прежних глав (в девятой), бьется в мокром мраке о яркое окно моей комнаты, утешенный Круг возвращается в лоно его создателя¹». Это набоковское высказывание порождает ряд вопросов: что представляет собой судьба Ольги и Круга? Каково символическое значение Ольгиного инобытия и имеет ли оно что-либо общее с формой посмертного существования Круга? Ответом на эти вопросы может служить понимание хронотопа набоковского художественного мира как метафизического. Именно с помощью подхода метафизического становится возможным объяснение собственно символической структуры как романа «Под знаком незаконнорожденных», так и других романов Владимира Набокова.

Литература:

1. Набоков, В. В. Под знаком незаконнорожденных
2. Набоков, В. В. Предисловие к третьему изданию романа «Под знаком незаконнорожденных»
3. Набоков, В. В. Приглашение на казнь // Собрание сочинений русского периода в 4-х томах.
4. Набоков, В. В. Садам шел Христос с учениками
5. Йонас, Г. Гностицизм
6. Давыдов, С. Тексты-матрешки Владимира Набокова Мюнхен, 1982
7. Александров, В. В. Набоков и потусторонность
8. Соловьев, В. Гностицизм // Словарь Брокгауза и Евфрона

¹ Предисловие к третьему изданию романа «Под знаком незаконнорожденных»